

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

Ленинградский ордена Ленина
и ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени А. А. Жданова

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
АНТИЧНОГО ОБЩЕСТВА

Межвузовский сборник

Ленинград 1985

ДЕЛО КРЕМУЦИЯ КОРДА
/К ВОПРОСУ О РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ОППОЗИЦИИ В ПЕРИОД РАННЕГО
ПРИНЦИПАТА/

В современной историографии раннего принципата все более прочно утверждается намеченное ранее в трудах таких антиковедов как Р.В.Виппер и М.И.Ростовцев представление об этом политическом режиме как дуалистической системе, в которой конструктивно взаимодействовали полисные и республиканские институты и находившиеся тогда еще в стадии становления элементы территориально-монархического государства.¹ Этот дуалистический характер принципата осложнял не только положение первых принципсов, которым приходилось проявлять большую гибкость в вопросах внутренней политики, но и затруднял возможность для республикански настроенных представителей римского общества создания легальной оппозиции режиму личной власти. О том же, что полисно-республиканские идеалы и традиции были тогда еще достаточно сильны, свидетельствует в первую очередь то, что новая политическая система была официально определена как восстановленная республика, а сам основатель этой системы – как восстановитель и охранитель республики. Таким образом, Октавиан Август официально выступал как традиционный герой, не новатор, а приверженец старины, восстанавливавший нравы и обычай предков.

Хотя источники по истории правления Августа и его преемника императора Тиберия и не дают нам материала для обнаружения организованной республиканской оппозиции режиму принципата, все же они убедительно свидетельствуют о наличии в среде сенаторства людей, критически настроенных против самодержавного характера власти принципсов и видевших в них узурпаторов власти сената и римского народа. Именно в связи с выражением подобных настроений и следует, очевидно, рассматривать судебный

¹ Виппер Р.Д. Очерки истории Римской империи. М., 1908; Ростовцев М.И. Рождение Римской империи. Пгд., 1918; Аниабе Г.С. Корнелий Тацит. М., 1981; Wickert L. Princeps. – RE, 1954, Bd.22, №bd.44, Sp.1998-2295; idem. Neue Forschungen zum römischen Prinzipat. – ANRW, 1974, Teil II, Bd.1, S.3-76.

процесс над историком Кремуцием Кордом, современником Августа и императора Тиберия.

В 25 г. Кремуций Корд был привлечен к судебной ответственности. Причиной судебного расследования была, как свидетельствует античная традиция, написанная им история времени правления Августа и Тиберия. Дело историка расследовалось по закону об оскорблении величия. На это указывает приводимая Тацитом речь обвиняемого, произнесенная им в сенате. В ней Кремуций Корд заявляет, что ему вменяются в вину его слова, невиновность же его в делах очевидна; но и слова, за которые он подвергается преследованию, не были направлены против принципса или его матери, которых имеет в виду закон об оскорблении величия (Ann., IV, 34, 2). Даже если предположить, что эта речь полностью представляет собой произведение самого Тацита, из нее с неопровергимостью следует, что историк знал, по какому закону преследовался Кремуций Корд.

Какие же слова вменялись в вину историку? Тацит сообщает, что Корд преследовался за то, что в своем историческом труде с похвалой отозвался о Бруте и назвал Кассия последним римлянином (Ann., IV, 34, 1). Светоний, несомненно имея в виду Кремуция Корда, в перечне злодеяний Тиберия называет расправу над историком, назвавшим Кассия и Брута последними римлянами (Тв., 61, 3). Ту же самую версию мы встречаем и у Диония Кассия, который добавляет к уже указанному обвинению также обвинение в нападках на народ и сенат и недостаточное уважение к Августу и Тиберию (57, 24, 2-4). Сенека в послании к Марии, дочери Кремуция Корда, называет главными причинами гибели ее отца его книгу и враждебность prefecta преторианских когорт Сенна (ад Маг., I, 3-4, 22).

В современной зарубежной историографии широкое распространение получила точка зрения, отрицающая достоверность дошедшей до нас традиции о деле Кремуция Корда. Так, американский исследователь Р.Роджерс предполагает, что историк был привлечен к суду скорее всего как участник заговора, но никак не за похвалу в адрес убийц Гая Плия Цезаря.² Нет принципиальных

² Roger R. The case of Gremutius Gordus. – TAPhA, 1965, vol. 96, p.359.

расхождений с выводом Р. Роджерса и у Ф. Марша. Последний считает, что обвинение против Корда, приводимое Тацитом и другими античными авторами, было использовано доносчиками лишь как предлог для начала судебного расследования, в ходе которого они надеялись выдвинуть свое главное обвинение, чemu помешало самоубийство Корда.³

Предлагаемая американскими историками точка зрения представляется нам совершенно искусственной конструкцией, так как не имеет под собой никакой источниковой базы. Против нее свидетельствует и редкостное единодушие античной традиции о деле Кремуция Корда и то, что преследование историков за их сочинения и сожжение этих сочинений имели место и ранее. Так например, в 12 г. до н.э. по приговору сената был сожжен исторический труд Тита Лабиена (*Suet. Cal.*, 16, I). Вообще исторописание после установления в Риме режима личной власти становится по выражению поэта Горация "делом опасного риска" (II, I, 5).

В речи перед сенатом, которую произносит в рассказе Тацита Кремуций Корд, обвиняемый приводит в свою защиту примеры положительной оценки деятелей республики и даже Брута и Кассия, имевшие место в трудах историков, покровительствуемых самим Августом (App., IV, 34–35). Кремуцию же Корду хвала в адрес Брута и Кассия стоила жизни, несмотря на то, что, по свидетельству Диона Кассия, Корд читал свою историю Августу, и она не вызвала у него никаких возражений (57, 24, 2–4). Почему же Тиберий был так резко враждебно настроен против историка? Возможно, конечно, что известную роль в этом сыграли присяги Секяна, оскорбленного историком. Ведь именно его клиенты, Сатрий Секунд и Пинарий Натта, возбудили дело против Корда. Вероятно также и предположение Р. Баумана о второй редакции книги, в которой проявился более резкие выпады в адрес Августа и созданного им нового государственного строя.⁴ Но это предположение, и не больше. Для его подтверждения нет никаких

³ Marsh F. The Reign of Tiberius. Oxford, 1931, p. 292.

⁴ Bauman R. Impietas in Principem. München, 1974, p. 103.

данных в источниках. К тому же оно мало что дает для решения нашего вопроса.

Скорее всего преследование Корда явилось следствием общего ужесточения режима личной власти в правление Тиберия. Как справедливо отмечает А.Б. Егоров, Тиберий не обладал и в малой степени тем огромным авторитетом Августа, который был одной из неправовых основ его власти. Поэтому наследник Августа был вынужден на место *auctoritas* своего предшественника поставить давление с позиции силы. Основным же орудием укрепления этой неправовой основы власти Тиберий стал закон об оскорблении величия, по которому и преследовался Кремуций Корд.⁵

Рассказы Светония и Диона Кассия дают основания предполагать, что сочинение Кремуция Корда имело критическую направленность по отношению к созданному Августом режиму. Светоний, рассказывая в биографии Августа об обстоятельствах пересмотра списка сенаторов в 18 г. до н.э., делает ссылку на Кремуция Корда, писавшего, что сенаторов подводили к Августу поодиночке и предварительно обыскивали (*Aug.*, 35, 2). Несомненно, что такое свидетельство значительно умаляло достоинство принципала и бросало на него тень узурпатора. Если же свидетельство Диона Кассия о содержащихся в историческом труде Кремуция Корда нападках на сенат и народ объединить с определением Кассия как последнего римлянина, то вырисовывается картина общего упадка нравов, данная, очевидно, в книге Корда. Не делая прямых выпадов против Октавиана Августа и Тиберия, но давая общую картину разложения нравов, историк тем самым утверждал, что существующий общественно-политический порядок есть именно следствие этого разложения нравов: народ и сенат, забыв о своем величии и свободе, прониклися духом сервильзма и покорно возложили на себя ярмо тирании.

Подобная трактовка сущности принципата коренным образом расходилась с официальным определением его как восстановленной

⁵ Егоров А.Б. Развитие политической системы принципата Тиберия, – В кн.: Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1962, с. 135–163.

республики. Попытка же Кремуция Корда поставить себя в один ряд с историками, отдававшими в своих трудах дань уважения Помпею, Катону, Цицерону и даже убийцам Цезаря и тем не менее не потерявшими расположения Августа, не могла иметь успеха. Как восстановитель и охранитель республики Август должен был терпимо относиться к выражению республиканских настроений и положительных оценок героев республики в трудах историков. Выражение подобных настроений и оценок даже поощрялось и Августом и Тиберием, но лишь в известных рамках: если эти историки не утверждали непроходимую грань между республикой и новой политической системой и если Август, а затем и его преемник Тиберий ставились ими в один ряд с другими героями республики, как это имело место в истории Веллэя Патеркула. История же Кремуция Корда ставила под сомнение идеологическую базу власти принципса, к которой как Август, так в особенности и Тиберий относились очень серьезно.

Насколько правомочным было бы рассматривать историю Кремуция Корда как обращение к республиканским настроенным слоям римского общества и как призыв к изменению существующего строя? Скорее всего нет. Нападки на сенат и народ, объявление Кассия последним римлянином свидетельствуют о пессимистической настроенности автора.

Была ли вообще в римском обществе сила, способная вступить в борьбу с единоличной властью принципсов за восстановление республики? Демократической партии в Риме к этому времени уже не существовало. Демократия в римском обществе никогда не имела сильных позиций, а в I в. до н.э. она полностью выродилась, и ее лозунги /суверенитет народному собранию, передел земли, кассация долгов и др./ использовались отдельными представителями знатных фамилий как орудие борьбы с сенатом для достижения собственного политического преобладания. Более того, римский плебей наряду с армией и преторианской гвардией после захвата Октавианом Августом власти в Риме становится одним из наиболее промонархически настроенных элементов римского общества. Следствием этого было то, что Августу и Тиберию удалось практически без всякого сопротивления вытеснить народное собрание из политico-административной системы империи.

Значительно сложнее было решить вопрос о примирении сенаторского сословия с новым политическим порядком. Для этой части римского общества гибель республики означала потерю не только политического господства, но и социально-экономических привилегий, которые обеспечивались этим господством. Поэтому прореспубликанские настроения в среде сенаторства были особенно сильны, к этому следует добавить, что сенаторское сословие было по существу единственной организованной социально-политической силой, имеющей свои традиции и богатый опыт политического и административного руководства государством.

Эти обстоятельства, а также несомненный факт укрепления положения сенаторства в римском обществе благодаря покровительственной политике Августа, послужили основанием для вывода о наличии серьезной республиканской оппозиции со стороны сената венну принципата в конце правления Августа и особенно при Тиберии в трудах ряда советских и зарубежных исследователей.⁶ Следует, правда, заметить, что специальных работ, посвященных вопросам оппозиции в период раннего принципата, в советской историографии нет. Более подробно они исследовались лишь в статьях В.С. Сергеева, посвященных времени правления династии Олиев-Клавдиев. В.С. Сергеев отрицает наличие республиканской оппозиции со стороны сената в этот период и видит причину столкновений между ним и принципсами в стремлении сенаторского сословия не допустить превращения системы принципата в абсолютную монархию.⁷

Действительно, вывод о наличии республиканской оппозиции правлению Олиев-Клавдиев вызывает ряд серьезных возражений. Прежде всего, социальная сила, на которую указывает сторонни-

⁶ Ковалев С.И. История Рима. Л., 1948; Машкин Н.И. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М., Л., 1949, с. 445; Бокштам А.Г. Социальный кризис Римской империи в I в. н.э. М., 1954, с. 66; Gardthausen V. Augustus und seiner Zeit. Teil 2, Bd. 3. Leipzig, 1904; Wieseman T. New Men in the Roman Senate. Oxford, 1971.

⁷ Сергеев В.С. 1) Принципат Августа. — ИИ, 1938, № 1, с. 99–III; 2) Принципат династии Клавдиев. — ИИ, 1938, № 6, с. 87–99; 3) Принципат Тиберия. — ВДИ, 1940, № 2, с. 78–90.

ки данной точки зрения, имела свои слабости. Главной из них была внутренняя разобщенность сенаторства, ярко проявившаяся уже в последний век республики. Господство нобилитета вызывало протест со стороны тех групп сенаторского сословия, которые не допускались правящей олигархией к высшим магистратурам и связанным с ними привилегиям. Да и в среде самой олигархии тоже не было согласия: между отдельными знатными фамилиями шла окраинная борьба за политическое преобладание. Эта разобщенность сенаторства была блестяще использована Августом с тем, чтобы связать социально-политические и экономические интересы каждой из групп сената с режимом принципата. Он учел лозунги, популярные среди части сенаторского сословия, не имевшей в период поздней республики реальной политической власти. Им был проведен ряд реформ, целью которых было вернуть сенату его величие, утерянное им вследствие ориентации нобилитета на узкосословные интересы в ущерб общегосударственным. В своей пропаганде он настойчиво проводил мысль о том, что в ходе гражданских войн он преследовал цель освободить республику от господства *factiones* и борьбы между ними за власть. На заседаниях сената Август уничтожил своеобразную систему местничества, при которой все вопросы, обсуждаемые в сенате, решались его принципами, представителями консультативных фамилий. Тем самым провозглашалось равенство всех сенаторов между собой. И главное – продвижение сенаторов по лестнице *cursus honorum* теперь контролировалось не нобилитетом, а принципом, что несомненно облегчало для новых людей возможность достижения высших постов в системе магистратур.

В то же время Август и его преемник Тиберий проводят покровительственную политику по отношению к нобилитету с тем, чтобы сохранить старую римскую знать на вершине социальной структуры римской империи. Сохранение республиканских институтов и закрепление за римской знатью всех ее привилегий, прежде всего права занимать высшие посты в системе магистратур в силу своего происхождения, позволило и этой части сенаторского сословия увидеть в принципе охранителя своих привилегий. В 23 г. до н.э. Август предлагает консулат Гнею Кальпурнию Пизону, яростному противнику сначала Пия Цезаря, а затем и

самого Октавиана. С этого времени Кальпурний Пизон неизменно среди первых людей Рима на протяжении всего правления Юлиев-Клавдиев, хотя Тацит характеризует представителей этого рода как людей строптивого нрава, несклонных к лести и державших себя независимо по отношению к принципатам (*Ann.*, I, 74, 5-6; II, 35, I; 43, 3-4). Семь консулов за время правления Августа дал старинный род Корнелиев Лентулов. В целом среди консулов времени Августа и Тибериев преобладали имена представителей римской знати: Домиции Агенобарды, Корнелии, Валерии, Скрибонии, Эмilia Лепиды, Кальпурний и др. Требование староримской знати сохранить за ней монопольное право на высшие посты в администрации и армии еще более последовательно проводилось в жизнь Тиберием. Характеризуя первые десять лет его правления, Тацит отмечает, что знатность предков была важнейшим квалификационным критерием, учитывавшимся принципатом во время выборов магистратов (IV, 6,2).

В области же идеологической политики идеология могущества, выработанная римским нобилитетом, была провозглашена Августом в качестве официальной идеологии нового режима. Подчеркнув этим свою верность республиканским традициям, он одновременно выбивал из рук римской знати знамя, вокруг которого могла бы сплотиться республиканская оппозиция.

Таким образом, гибкость внутренней политики Августа имела следствием то, что все слои римского общества оказались заинтересованными в сохранении его единовластия, как гаранта своих привилегий и достижений. Кроме того, основная масса населения Рима и Италии приняла его власть потому что она гарантировала прекращение соперничества могущественных нобилей, неминуемо ведущего к новым гражданским войнам. Поэтому республиканизм как политическая оппозиция, несмотря на наличие в римском обществе времени раннего принципата людей, сочувствовавших республике, не противостоял режиму принципата. Республиканские настроения выражались не в области политики, а в области морали как приверженность традиционным римским доблестям, нравам и обычаям, и полным неприятием каких бы то ни было новшеств в этой области. Эти настроения выродились в своего рода моральный ригоризм, который характеризует отдельных сенаторов времени Юлиев-Клавдиев.